

Толстой Лев Николаевич

**Лев Толстой и русские цари.
Письма Л. Н. Толстого
1862-1905**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Л34

Л34 **Лев Николаевич Т.**
Лев Толстой и русские цари. Письма Л. Н. Толстого 1862-1905 / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 66 с.

ISBN 978-5-519-77233-4

Семь писем Л. Н. Толстого - к Александру II, к Александру III и к Николаю II; Два обращения Л. Н. Толстого - "Царю и его помощникам" (1902-1905 гг.) ; Молодой царь (рассказ); Безмысленные мечтания, Филологические науки. Художественная литература -- Россия -- Русская литература -- 2-ая пол. 19 в. (до сер. 90-х гг.) -- Персоналии писателей -- Толстой Лев Николаевич (1828-1910) - писатель -- Мировоззрение и общественно-политическая деятельность писателя, Филологические науки. Художественная литература -- Россия -- Русская литература -- кон. 19 - нач. 20 в. (2-ая пол. 90-х гг. 19 в.-1917 г.) -- Произведения художественной литературы -- Художественная проза -- Публицистика

ISBN 978-5-519-77233-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Для того, чтобы быть всегда столь же правымъ въ отношеніи моего Правительства и особы Вашего Величества, я не могу и не хочу этому вѣрить. Я думаю, что не можетъ быть волею Вашего Величества, чтобы безвинные были наказываемы, и чтобы правые постоянно жили подъ страхомъ оскорбленія и наказанія.

Для того, чтобы знать, кого упрекать во всемъ случившемся со мною, я рѣшаюсь обратиться прямо къ Вашему Величеству. Я прошу только о томъ, чтобы съ имени Вашего Величества была снята возможность укоризны въ несправедливости, и чтобы были, ежели не наказаны, то обличены виновные въ злоупотребленіи этого имени.

Вашего Величества,

вѣрноподданный.

Графъ Левъ Толстой.

22 Августа 1862 г.

Москва.

Александру III *).

1.

Ваше Императорское Величество.

Я, ничтожный, не призванный и слабый, плохой человек пишу письмо Русскому Императору, и советую ему, что ему делать в самых сложных, трудных обстоятельствах, которые когда-либо бывали. Я чувствую, как это странно, неприлично, дерзко, и все-таки пишу. Я думаю себя: ты напишешь, письмо твое будет не нужно, его не прочтут, или прочтут и найдут, что это вредно, и накажут тебя за это. Вот все, что может быть. И дурного в этом для тебя не будет ничего такого, в чем бы ты раскаялся. Но если ты не напишешь и потом узнаешь, что никто не сказал царю то, что ты хотел сказать, и что царь потом, когда уже ничего нельзя будет переменить, подумает и скажет: „если бы тогда кто-нибудь сказал мне это!“—если это случится так, то ты вечно будешь раскаиваться, что не написал того, что думал. И потому я пишу Вашему Величеству то, что я думаю.

Я пишу из деревенской глуши, ничего верно не знаю. То, что знаю, знаю по газетам и слухам, и потому, может быть, пишу ненужные пустяки о том, чего вовсе нет; тогда ради Бога, простите мою самонадеянность и верьте, что я пишу не потому, что я высоко о себе думаю, а потому только, что уже столь много виноватый перед всеми, боюсь быть еще виноватым, не сделав того, что мог и должен был сделать.

*) По поводу смертного приговора надъ цареубийцами 1-го Марта 1881 г. Смертная казнь,— надъ участниками въ убійствѣ царя Александра II—Желябова, Рысаковымъ, Кибальничемъ, Михайловымъ и Перовской была совершена 3-го Апрѣля 1881 г. (Ред.)

Письмо Л. Н. ча долго странствовало... Л. Н. сначала передалъ его черезъ Страхова К. П. Побѣдоносцеву, сопроводивъ письмо личной просьбой объ исполненіи важнаго порученія... Побѣдоносцевъ возвратилъ письмо Страхову съ отказомъ передать Государю. Страховъ тогда передалъ письмо черезъ профессора К. Н. Бестужева-Рюмина Вел. Кн. Сергѣю Александровичу для подачи Александру Ц. Письмо было передано.

Печатается здѣсь это письмо въ первоначальномъ черновомъ видѣ, такъ какъ окончательную версію его Л. Н. у себя не сохранилъ. (Ред.)

Я буду писать не въ томъ тонѣ, въ которомъ обыкновенно пишутъ письма Государямъ—съ цвѣтами подобострастного и фальшиваго краснорѣчія, которые только затемняютъ и чувства, и мысли. Я буду писать просто, какъ человѣкъ къ человѣку.

Настоящія чувства моего уваженія къ Вамъ, какъ къ человѣку и къ царю, виднѣе будутъ безъ этихъ украшеній.

Отца Вашего, царя русскаго, сдѣлавшаго много добра и всегда желавшаго добра людямъ, стараго, добраго человѣка безчеловѣчно изувѣчили и убили не личные враги его, но враги существующаго порядка вещей: убили во имя какого-то высшаго блага всего человѣчества.

Вы стали на его мѣсто, и передъ Вами тѣ враги, которые отравляли жизнь Вашего отца и погубили его. Они враги Ваши потому, что Вы занимаете мѣсто Вашего отца, и для того мнимаго общаго блага, котораго они ищутъ, они должны желать убить и Васъ.

Къ этимъ людямъ въ душѣ Вашей должно быть чувство мести, какъ къ убійцамъ отца, и чувство ужаса передъ той обязанностью, которую Вы должны были взять на себя. Болѣе ужаснаго положенія нельзя себѣ представить, болѣе ужаснаго потому, что нельзя себѣ представить болѣе сильнаго искушенія зла. „Враги отечества, народа, презрѣнные мальчишки, безбожныя твари, нарушающія спокойствіе и жизнь вѣранныхъ миллионѣвъ, и убійцы отца. Чтѣ другое можно сдѣлать съ ними, какъ не очистить отъ этой заразы русскую землю, какъ не раздавить ихъ, какъ мерзкихъ гадѣвъ? Этого требуетъ не мое личное чувство, даже не возмездіе за смерть отца, этого требуетъ отъ меня мой долгъ, этого ожидаетъ отъ меня вся Россія“.

Въ этомъ-то искушеніи и состоитъ весь ужасъ Вашего положенія. Кто бы мы ни были, цари или пастухи, мы люди, просвѣщенные ученіемъ Христа.

Я не говорю о Вашихъ обязанностяхъ царя. Прежде обязанностей царя есть обязанности человѣка, и онѣ должны быть основной обязанностью царя и должны сойтись съ ними.

Богъ не спроситъ Васъ объ исполненіи обязанности царя, не спроситъ объ исполненіи царской обязанности, а спроситъ объ исполненіи человѣческихъ обязанностей. Положеніе Ваше ужасно, но только затѣмъ и нужно ученіе Христа, чтобы руководить насъ въ тѣхъ страшныхъ минутахъ искушенія, которыя выпадаютъ на долю людей. На Вашу долю выпало ужаснѣйшее изъ искушеній. Но какъ ни ужасно оно, ученіе Христа разрушаетъ его: всѣ сѣти искушеній.

обставленные вокруг Васъ, какъ прахъ разлетятся передъ человѣкомъ, исполняющимъ волю Бога.

Мѣ. 5, 43. „Вы слышали, что сказано: любите ближняго и возненавидѣ врага твоего; а Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ... благотвориите ненавидящихъ васъ... да будете сынами Отца вашего небеснаго“.

Мѣ. 5, 38. Вамъ сказано: „Око за око, зубъ за зубъ, а Я говорю: не противься злему“.

Мѣ. 18, 22. „Не говорю тебѣ до семи, но до седмижды семидесяти разъ“.

„Не ненавиждь врага, а благотвори ему, не противься злу, не уставай прощать“. Это сказано человѣку, и всякій человѣкъ можетъ исполнить это. И никакія царскія, государственныя соображенія не могутъ нарушить заповѣдей этихъ.

Мѣ. 5, 19. „И кто нарушитъ одну изъ сихъ малѣйшихъ заповѣдей, малѣйшимъ наречется въ Царствіи Небесномъ, и кто сотворитъ и научитъ, тотъ великимъ наречется въ Царствіи Небесномъ“.

Мѣ. 7, 24. „Итакъ, всякаго, кто слушаетъ слова мои сіи, уподоблю мужу благоразумному, который построилъ домъ свой на камнѣ. (25). И пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и устремились на домъ тотъ, и онъ не упалъ, потому что основанъ былъ на камнѣ. (26). А всякій, кто слушаетъ сіи слова мои и не исполняетъ ихъ, уподобится человѣку безразсудному, который построилъ домъ свой на псѣкѣ. (27). И пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и налегли на домъ тотъ; и онъ упалъ, и было паденіе его великое“.

Знаю я, какъ далекъ тотъ міръ, въ которомъ мы живемъ, отъ тѣхъ Божескихъ истинъ, которыя выражены въ ученіи Христа и которыя живутъ въ нашемъ сердцѣ. Но истина—истина, и она живетъ въ нашемъ сердцѣ и отзывается восторгомъ и желаніемъ приблизиться къ ней. Знаю я, что я ничтожный, дрянной человѣкъ, въ искушеніяхъ, въ 1000 разъ слабѣйшихъ, чѣмъ тѣ, которыя обрушились на Васъ, отдавался не истинѣ и добру, а искушенію, и что дерзко и безумно мнѣ, исполненному зла человѣку, требовать отъ Васъ той силы духа, которая не имѣетъ примѣровъ, требовать, чтобы Вы, русскій царь, подъ давленіемъ всѣхъ окружающихъ, и любящій сынъ послѣ убійства отца, простилъ бы убійцъ и отдалъ бы имъ добро за зло; но не желать этого я не могу, не могу не видѣть того, что всякій шагъ Вашъ къ прощенію есть шагъ къ добру, всякій шагъ къ наказанію есть шагъ ко злу, не видѣть этого я не могу. Но какъ для себя въ спокойную минуту, когда нѣтъ искушенія, надѣюсь, желаю всѣми силами души избрать путь любви и

добра, такъ и за Васъ желаю и не могу не надѣяться, что Вы будете стремиться къ тому, чтобы быть совершенными, какъ Отецъ Вашъ на небѣ, и Вы сдѣлаете величайшее дѣло въ мірѣ—поборете искушеніе: и Вы, царь, дадите міру величайшій примѣръ исполненія ученія Христа — отдадите добро за зло.

„Отдайте добро за зло, не противьтесь злу, всѣмъ простите“.

Это, и только это надо дѣлать. Это воля Бога. Достанетъ ли у кого или не достанетъ силы сдѣлать это, это другой вопросъ. Но только этого одного надо желать, къ этому одному стремиться, это одно считать хорошимъ и знать, что всѣ соображенія противъ этого — искушенія и соблазны, и что *всѣ соображенія противъ этого, всѣ* ни на чемъ не основаны, шатки и темны.

Но кромѣ того, что всякій человѣкъ долженъ и не можетъ ничѣмъ другимъ руководиться въ своей жизни, какъ этимъ выраженіемъ воли Божьей, исполненіе этихъ заповѣдей Божьихъ есть виѣсть съ тѣмъ и самое для жизни Вашей (и Вашего народа) разумное дѣйствіе.

Истина и благо всегда истина и благо и на землѣ и на небѣ. Простить ужаснѣйшихъ преступниковъ противъ человѣческихъ и божескихъ законовъ и воздать имъ добро за зло! — многимъ это покажется въ лучшемъ смыслѣ идеализмомъ, безуміемъ, а многимъ злонамѣренностью. Они скажутъ: „не прощать, а вычистить надо гниль, задуть огонь“. Но стоитъ вызвать тѣхъ, которые скажутъ это, на доказательства ихъ мнѣнія, и безуміе, и злонамѣренность окажутся на ихъ сторонѣ.

Около 20-ти лѣтъ тому назадъ завелось какое-то гнѣздо людей, большей частью молодыхъ, ненавидящихъ существующій порядокъ вещей и правительство. Люди эти представляютъ себѣ какой-то другой порядокъ вещей, или даже никакого себѣ не представляютъ, и всѣми безбожными, безчеловѣчными средствами—пожарами, грабежами, убійствами разрушаютъ существующій строй общества. 20 лѣтъ борются съ этимъ гнѣздомъ и какъ уккусное гнѣздо, постоянно зарождающее новыхъ дѣятелей, до сихъ поръ гнѣздо это не только не уничтожено, но оно растетъ, и люди эти дошли до ужаснѣйшихъ по жестокости и дерзости, поступковъ, нарушающихъ ходъ государственной жизни.

Тѣ, которые хотѣли бороться съ этой язвой внѣшними, наружными средствами, употребляли два рода средствъ: одно—прямое отсѣченіе больного, гнилого, строгость наказанія, другое—предоставленіе болѣзни своему ходу, регулированіе ея: это были либеральныя мѣры, которыя должны

были удовлетворить беспокойныя силы и утишить напоръ враждебныхъ силъ.

Для людей, смотрящихъ на дѣло съ матеріальной стороны, нѣтъ другихъ путей—или рѣшительныя мѣры пресѣченія, или либеральнаго послабленія. Какіе бы и гдѣ бы ни собирались люди толковать о томъ, что нужно дѣлать въ теперешнихъ обстоятельствахъ, кто-бы они ни были, знакомые въ гостиной, члены совѣта, собранія представителей, если они будутъ говорить о томъ, что дѣлать для пресѣченія зла, они не выйдутъ изъ этихъ двухъ воззрѣній на предметъ: или пресѣкать—строгость, казни, ссылки, полиція, стѣсненія цензуры и т. п., или либеральныя потачки—свобода, умѣренная мягкость мѣръ, взысканій и даже представительство,—конституція, соборъ.

Люди могутъ сказать много еще новаго относительно подробностей того и другого образа дѣйствій; во многомъ многіе изъ одного и того же лагеря будутъ не согласны, будутъ спорить, но ни тѣ, ни другіе не выйдутъ—одни изъ того, что они будутъ отыскивать средства насильственнаго пресѣченія зла, другіе—изъ того, что они будутъ отыскивать средства не стѣсненія, даванія выхода затѣявшемуся броженію. Одни будутъ лѣчить болѣзнь рѣшительными средствами противъ самой болѣзни, другіе будутъ лѣчить не болѣзнь, но будутъ стараться поставить организмъ въ самыя выгодныя, гигиеническія условія, надѣясь, что болѣзнь пройдетъ сама собою. Скажутъ много новыхъ подробностей, но ничего не скажутъ новаго, потому что и та и другая мѣра уже были употреблены, и ни та, ни другая не только не излѣчили больного, но не оказали никакого вліянія. Болѣзнь шла донинѣ, постоянно ухудшаясь.

И потому я полагаю, что нельзя такъ сразу называть исполненіе воли Бога, по отношенію къ дѣламъ политическимъ, мечтаніемъ и безуміемъ. Если даже смотрѣть на исполненіе закона Бога, святыню святыхъ, какъ на средство противъ житейскаго мірскаго зла, и то нельзя смотрѣть на него презрительно послѣ того, какъ очевидно вся житейская мудрость не помогла и не можетъ помочь.

Больного лѣчили и сильными средствами, и переставали давать сильныя средства, а давали ходъ его отправлениямъ: и ни та, ни другая система не помогли, больной все болѣнѣе. Представляется еще средство—средство, о которомъ ничего не знаютъ врачи, средство странное. Отчего же не испытать его? Одно первое преимущество средство это имѣетъ неотъемлемое передъ другими средствами, это то, что тѣ употреблялись бесполезно, а это никогда еще не употреблялось.

Пробовали во имя государственной необходимости блага массъ стѣснять, ссылатъ, казнить, пробовали во имя той же необходимости блага массъ давать свободу—все было то же. Отчего не попробовать во имя Бога исполнять только законъ Его, не думая ни о государствѣ, ни о благѣ массъ? Во имя Бога и исполненія закона Его не можетъ быть зла.

Другое преимущество новаго средства—и тоже несомнѣнное—то, что тѣ два средства сами въ себѣ были нехороши: первое состояло въ насиліи, казняхъ (какъ бы справедливы онѣ ни казались, каждый человѣкъ знаетъ, что онѣ зло); второе состояло въ не исполнѣнн правдивомъ допущеніи свободы. Правительство одной рукой давало эту свободу, другой—придерживало ее. Приложение обоихъ средствъ, какъ ни казались они полезны для государства, было нехорошее дѣло для тѣхъ, которые прилагали ихъ. Новое же средство таково что оно не только свойственно душѣ человѣка, но доставляетъ высшую радость и счастье для его души.

Прощеніе и воздаяніе добромъ за зло, есть добро въ самомъ себѣ. И потому приложение двухъ старыхъ средствъ должно быть противно душѣ христіанской, должно оставлять по себѣ раскаяніе; прощеніе же доставляетъ высшую радость тому, кто творитъ его.

Третье преимущество христіанскаго прощенія передъ подавленіемъ или искуснымъ направленіемъ вредныхъ элементовъ, относится къ настоящей минутѣ и имѣетъ особую важность. Положеніе Ваше и Россіи теперь—какъ положеніе больного во время кризиса. Одинъ ложный шагъ, пріемъ средства ненужнаго или вреднаго, можетъ навсегда погубить больного. Точно также теперь одно дѣйствіе въ томъ или другомъ смыслѣ—возмездіе за зло жестокими казнями или вызова представителей—можетъ связать все будущее. Теперь, въ эти двѣ недѣли суда надъ преступниками и приговора, будетъ сдѣланъ шагъ, который выберетъ одну изъ трехъ дорогъ предстоящаго распутья: путь подавленія зла зломъ, путь либеральнаго послабленія — оба испытанные и ни къ чему не приводящіе пути, и еще новый путь—путь христіанскаго исполненія воли Божьей царемъ, какъ человѣкомъ.

Государь! По какимъ-то роковымъ, страшнымъ недоразумѣніямъ въ душѣ революціонеровъ запала страшная ненависть противъ отца Вашего,—ненависть, приведшая ихъ къ страшному убійству. Ненависть эта можетъ быть похоронена съ нимъ. Революціонеры могли—хотя несправедливо—осуждать его за гибель десятковъ своихъ. Но Вы чисты передъ всей Россіей и передъ ними. На рукахъ Вашихъ нѣтъ крови. Вы—невинная жертва своего поло-

женія. Вы чисты и невинны передъ собой и передъ Богомъ. Но Вы стоите на распутьи. Нѣсколько дней, и если восторжествуютъ тѣ, которые говорятъ и думаютъ, что христіанскія истины только для разговоровъ, а въ государственной жизни должна проливаться кровь и царствовать смерть, Вы навѣки выйдете изъ того блаженнаго состоянія чистоты и жизни съ Богомъ, и вступите на путь тьмы государственныхъ необходимостей, оправдывающихъ все и даже нарушеніе закона Бога для человѣка.

Не простите, казните преступниковъ, Вы сдѣлаете то, что изъ числа сотенъ Вы вырвете трехъ, четырехъ, и зло родитъ зло, и на мѣсто трехъ, четырехъ вырастутъ 30, 40, и сами навѣки потеряете ту минуту, которая одна дороже всего вѣка,—минуту, въ которую Вы могли бы исполнить волю Бога и не исполнили ее, и сойдете навѣки съ того распутья, на которомъ Вы могли выбрать добро вмѣсто зла, и навѣки завяжете въ дѣлахъ зла, называемыхъ государственной пользой. (Мѡ. 5, 25).

Простите, воздайте добромъ за зло, и изъ сотенъ злодѣевъ, десятки перейдутъ не къ Вамъ, не къ намъ (это не важно), а перейдутъ отъ дьявола къ Богу, и у тысячъ, у миллионновъ дрогнетъ сердце отъ радости и умиленія при видѣ примѣра добра съ престола въ такую страшную для сына убитаго отца минуту.

Государы! Если бы Вы сдѣлали это, позвали этихъ людей, дали бы имъ денегъ и услали ихъ куда-нибудь въ Америку и написали бы манифестъ со словами вверху: „А я вамъ говорю: любите враговъ своихъ“, не знаю, какъ другіе, но я, плохой вѣрноподанный, былъ бы собакой, рабомъ Вашихъ. Я бы плакалъ отъ умиленія, какъ я теперь плачу, всякій разъ, когда бы я слышалъ Ваше имя. Да чтѣ я говорю: „не знаю, что другіе“. Знаю, какимъ бы потокомъ разлилось бы по Россіи добро и любовь отъ этихъ словъ.

Истины Христовы живы въ сердцахъ людей, и однѣ онѣ живы, и любимъ мы людей только во имя этихъ истинъ.

И Вы, царь, провозгласили бы не словомъ, а дѣломъ эту истину. Но можетъ быть, это все мечтанія, ничего этого нельзя сдѣлать. Можетъ быть, что хотя и правда, что 1) болѣе вѣроятности въ успѣхѣ отъ такихъ дѣйствій, никогда еще не испытанныхъ, чѣмъ отъ тѣхъ, которыя пробовали и которыя оказались негодными, и что 2) такое дѣйствіе навѣрно хорошо для человѣка, который совершитъ его, и 3) что теперь Вы стоите на распутьи и это единственный моментъ, когда Вы можете поступить по-Божьи, и что упустивъ этотъ моментъ, Вы уже не вернете его,—можетъ быть,

что все это и правда, но скажутъ: это невозможно. Если сдѣлать это, то погубишь государство.

Но положимъ, что люди привыкли думать, что божественныя истины—истины только духовнаго міра, а не приложимы къ житейскому; положимъ, что враги скажутъ: мы не принимаемъ ваше средство, потому что, хотя оно и не испытано и само въ себѣ не вредно, и правда, что теперь кризисъ, мы знаемъ, что оно сюда не идетъ и ничего, кромѣ вреда, сдѣлать не можетъ. Они скажутъ: христіанское прошеніе и воздаяніе добромъ за зло хорошо для каждаго человѣка, а не для государства. Приложение этихъ истинъ къ управленію государствомъ погубитъ государство.

Государь! Вѣдь это ложь, злѣйшая, коварнѣйшая ложь! Исполненіе закона Бога погубитъ людей? Если это законъ Бога для людей, то онъ всегда и вездѣ законъ Бога, и нѣтъ другого закона, воли Его. И нѣтъ кошунственныхъ рѣчи, какъ сказать: законъ Бога не годится. Тогда онъ не законъ Бога. Но положимъ, мы забудемъ, что законъ Бога выше всѣхъ другихъ законовъ и всегда приложимъ, мы забудемъ это. Хорошо: законъ Бога не приложимъ и если исполнить его, то выйдетъ зло еще худшее. Если простить преступниковъ, выпустить всѣхъ изъ заключеній и ссылки, то произойдетъ худшее зло. Да почему же это такъ? Кто сказалъ это? Чѣмъ вы докажете это? Своей трусостью. Другого у васъ нѣтъ доказательства. И кромѣ того вы не имѣете права отрицать ничьего средства, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что ваши не годятся.

Они скажутъ: выпустить всѣхъ, и будетъ рѣзня, потому что немного выпустить, то бываютъ малые безпорядки, много выпустить — бываютъ большіе безпорядки. Они разсуждаютъ такъ, говоря о революціонерахъ, какъ о какихъ-то бандитахъ, шайкѣ, которая собралась, и когда ее переловить, то она кончится. Но дѣло совсѣмъ не такъ: не число важно, не то, чтобы уничтожить или выслать ихъ побольше, а то, чтобы уничтожить ихъ закваску, дать другую закваску. Чтѣ такое революціонеры? Это люди, которые ненавидятъ существующій порядокъ вещей, находятъ его дурнымъ, и имѣютъ въ виду основы для будущаго порядка вещей, который будетъ лучше.

Убивая, уничтожая ихъ, нельзя бороться съ ними. Не важно ихъ число, а важны ихъ мысли. Для того, чтобы бороться съ ними, надо бороться духовно. Ихъ идеаль есть общій недостатокъ, равенство, свобода. Чтобы бороться съ ними, надо поставить противъ нихъ идеаль такой, который бы былъ выше ихъ идеала, включалъ бы въ себя ихъ

идеаль. Французы, англичане теперь борются съ ними и такъ же безуспѣшно.

Есть только одинъ идеаль, который можно противопоставить имъ,—тотъ, изъ котораго они выходятъ, не понимая его и кощунствуя надъ нимъ,—тотъ, который включаетъ ихъ идеаль, идеаль любви, прощенія и воздаянія добра за зло. Только одно слово прощенія и любви христіанской, сказанное и исполненное съ высоты престола, и путь христіанскаго царствованія, на который предстоитъ вступить Вамъ, можетъ уничтожить то зло, которое точитъ Россію.

Какъ воскъ отъ лица огня, растаетъ всякая революціонная борьба передъ царемъ-человѣкомъ, исполняющимъ законъ Христа.

Левъ Толстой.

Ясная Поляна. Мартъ 1881 г.